

ТУРЕ РЕНБЕРГ
Ты такой
светлый
роман

CoRpus

Блестящий роман. Прикидывается
простым, а сам глубокий, продуманный
и хитроумно выстроенный.

MORGENBLADET

18+

Туре Ренберг Ты такой светлый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69136963

Ты такой светлый:
ISBN 978-5-17-148468-2

Аннотация

“Ты такой светлый” – глубокий психологический роман, захватывающее многогранное повествование о потемках чужой души. О том, чего мы не можем видеть, даже если драма разыгрывается буквально у нас на глазах. Йорген и Вибекке живут в небольшом прибрежном поселке, соседский дом пустует, его бывшие владельцы развелись, и маклер возит туда странноватых клиентов на просмотры. Когда в конце концов в доме за живой изгородью поселяется семья их сверстников с обаятельным отцом семейства, бойким балагуром, да еще и врачом, всегда готовым прийти на помощь, Йорген и Вибекке не скрывают радости. Они быстро становятся хорошими друзьями с новыми соседями. И вот уже отцы семейств едут вместе в Лондон, на футбольный матч. Но там Йорген внезапно становится свидетелем чего-то необъяснимого, о чем и спросить неловко. Дальше больше, оказывается, и Вибекке подозревает Стейнара в двуличии. Кто он на самом деле? Что скрывается за его кипучей энергией и пленяющей обходительностью? Произведения Туре Ренберга переведены на двадцать с лишним языков, экранизированы и

отмечены многими наградами. Русскому читателю он известен романом “Шарлотта Исабель Хансен”.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

6
63

Туре Ренберг

Ты такой светлый

First published by Forlaget Oktober AS, 2016

Published in agreement with Oslo Literary Agency

© Tore Renberg, 2016

© А. Ливанова, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS ®

1

*Мы явились сквозь свет
растерянные и понурые
стойкие и отчаявшиеся*

*Кровоточа
душой*

*Улыбаясь
напоказ*

*Нас подвергли хуле
за все, что мы делали
и чего не делали тоже*

Он вошел в наши жизни жестко, вот что я думаю. В общем и целом ничего хорошего из этого не получилось, сплошные горести и треволнения, и наша жизнь стала угрюмее, а не светлее.

Своим сияющим взглядом он умел всем поднять настроение. Мой старший сын назвал его как-то метеором, никогда этого не забуду, но если выражаться менее напыщенно, скажу, что он был из тех, рядом с которыми всегда звучит смех и царит уверенность, что в жизни нет ничего невозможного.

Бывало, пообщаешься с ним – и сразу тянет на свершения: стену там покрасить или канаву выкопать, но главное, выложиться по полной.

В нашем захолустье он устроился работать участковым врачом. Из себя он был стройный, ладный, лет примерно сорока. Родом из ничем не примечательного городка на другом конце страны, в паре часов езды на юго-запад от столицы. “Любовь! – отвечал он обычно с улыбкой на вопрос, что его занесло в нашу глушь. – Что еще может заставить человека уехать так далеко от дома?”

Звали его Стейнар, и он стал нашим соседом 13 марта 2014 года. Сначала это всех только радовало, мы все время ощущали рядом с собой какое-то изумительно доброе тепло. Потом мы почувствовали некое зыбкое беспокойство, и в конце концов все обернулось ужасающей катастрофой.

Вживой изгороди, закрывающей наш участок от дома Хогне, есть лаз.

Я-то всегда думал, что это заросли лигуструма, пока пару лет тому назад не упомянул в разговоре с матерью, что, мол, у нас в лигуструме дырка с метр высотой, так что кошки и собаки шастают туда-сюда. Ну ты и балда, сказала мать, рассмеявшись своим птичьим смехом; лигуструм, скажешь тоже, это же туя. А потом спросила, покачав головой, как это сын садовника может настолько не разбираться в растениях.

– Может, потому, что матушка вечно торопилась выхватить работу из моих неумелых ручек? – парировал я.

Иногда я позволяю себе так разговаривать с матерью, дай бог здоровья этой незлобивой душе. Росточком она и вправду не вышла, я это не для красного словца говорю, но свой малый рост несет с достоинством. Да, я в курсе, что ни с кем больше я так говорить себе не позволяю и что глупо взрослому мужику за сорок раздражаться из-за слов собственной матери. Но что есть, то есть, не могу с собой совладать. Надеюсь только, что она знает: это свидетельство не только глупости, но и любви, пусть даже выдавшей виды любви, какая и бывает между людьми, много времени проводящими вместе.

Может статься, свою манеру дерзить матери я перенял от отца. Вообще-то он чудеснейший человек, на мой субъективный взгляд, но когда ему кажется, что где-то непорядок и он начинает закипать – а такое случается частенько, – то лучше ему на язычок не попадаться. Разница лишь в том, что он так со всеми разговаривает, а я только с матерью.

Довольно неприглядное обыкновение, я и сам знаю.

Моя жена Вибекке, с которой я так никогда не говорю, если прицепится к чему, не отстанет. Это и одна из ее сильных сторон, и одна из слабых – так же, как мой пофигизм в духе семидесятых несет в себе и мою силу, и мою слабость. Вибекке уж сколько лет пеняет мне на этот лаз. Нет чтоб зарости, наоборот – становится шире и шире, говорит она, и тут мне бы промолчать, так нет, не премину заявить, что по мне, так пусть ширится сколько угодно, в таком лазе есть своя пре-

лесть. А потом еще и добавлю: так ли нужно, чтобы вокруг было одно совершенство?

– Совершенство, – отвечает Вибекке, довольно усмехаясь, – сильно недооценивают в наше время.

Вибекке работает директором местной школы, рулит всеми учениками с первого по десятый класс, а их ведь почти четыреста. Она знает, чего хочет добиться от нас всех – и от детишек, и от местной общественности. Она считает, что проблема нашего поселка в том, что мы все делаем с оглядкой на городских, отзываемся о них с пренебрежением, *что, мол, они о себе воображают*, но по сути сами ставим себя ниже горожан. Вибекке упорно пишет в местную газету, выступает на разных собраниях, участвует во всех акциях солидарности и в самых диковинных мероприятиях. Отношение к ней тут у нас неоднозначное, потому что она всюду суется, а это нравится далеко не всем, так что некоторые держат мою жену за назойливую бой-бабу. Зато другие считают ее отважным борцом за справедливость, готовым говорить, что думает, и дерзновенной идеалисткой, не боящейся отстаивать свое мнение.

Я люблю ее сильнее, чем вообще, думаю, могу кого-то любить.

Мне она кажется бесконечно сексапильной и страшно умной, и я сознаю, как мне повезло, что мы вместе. Что она вообще предпочла остаться в нашем поселке, что не уехала насовсем, как многие другие, перебравшиеся в столицу или

в другой большой город, но не вполне понимающие, как им быть со своим деревенским прошлым. Как это она осталась здесь – загадка для меня, а еще большая загадка кроется, по мнению многих, в том, что она остановила свой выбор на мне.

Остается полагать, что у нее имелись на то свои основания.

Что грядут перемены, мы поняли в начале февраля, когда в доме Хогне вдруг стали появляться люди.

– Что там у них такое, папа? – спросил однажды довольно холодным днем, когда сад освещало серое солнце, восьмилетний Эйольф, наш младший. Мы как раз были в саду, проверяли, насколько заржавели за зиму велики. В нашей семье все парни такие, все мы отчасти разгильдяи и не очень тщательно ухаживаем за вещами. Мой отец вечно твердит: ничего не берегут, все готовы профукать.

Сынишка показывал на мужика, который шел к дому Хогне с табличкой под мышкой.

– Да кто ж его знает, Эйольф, – сказал я, – наверное, кто-то собирается поселиться в доме Хогне.

– А кто, папа, как ты думаешь?

– Так в том-то и дело, – сказал я, – что это может быть кто угодно.

После явления мужика с табличкой за живой изгородью развернулась шумная деятельность. На следующий день туда пришла навести порядок и чистоту Хеге Ирене, про кото-

рую годом раньше писали в газете, потому что, поворачивая на вечно скользком перекрестке с главной дорогой, она сбила лису. Больше всех перспектива обретения новых соседей развлекала Эйольфа: он просто прилип к окну. Короче, вскоре после того, как убралась восвояси Хеге Ирене, в соседском дворе снова объявился тот мужик с табличкой. Это риелтор из города, объяснил я сыновьям; в последующие недели он то и дело приезжал в соседний дом, привозил кого-нибудь на просмотр.

Там постоянно сновали люди, мы наблюдали за ними уже из спортивного интереса, и вот как-то утром перед домом Хогне остановился грузовой автомобиль с кучей пожитков.

– Папа, папа, смотри, – показал Эйольф в окно за завтраком, – ни фиги себе какая большая машина приехала!

И мы стали смотреть все вместе – Вибекке, я, Эйольф и наш старший, двенадцатилетний Видар. – Вишь ты! – сказал я.

– Поглядим, как оно сложится с новыми-то соседями, – сказала Вибекке.

А тем временем грузчики в форменных комбинезонах таскали коробки и мебель, и я тогда думал, кажется, что новые соседи люди во всяком случае не бедные, раз позволили себе нанять работяг для тяжелой работы. Вибекке, видимо, думала то же самое, что совершенно не удивительно, потому что дом Хогне – это выкрашенный в белый цвет внушительный и ухоженный трехэтажный особняк, одно из старейших

строений в округе, и хотя наши цены не сравнить с безумными городскими, растущими как на дрожжах, но чего греха таить: в последние годы и у нас стоимость жилья подскочила.

Денек в среду 13 марта выдался славный, и ближе к вечеру все мы перебрались в сад. Приятное это время года, ты счастлив уже тем, что зима сдала позиции, что к вечеру темнеет все позже, что скоро весна. Чем старше я становлюсь, тем больше ценю эти радости: косточки мои уже не так хорошо переносят холод, а коже требуется все больше солнца; когда я был маленьким, то мне все времена года нравились одинаково.

Парни в нашей семье все с ленцой, особенно мы с Видаром, но настало время навести порядок к весне. Мы оттягивали это дело уже несколько недель, пока Вибекке наконец не сказала:

– Мужики, единственное, что вы мне обещали, – это убраться в саду после зимы, я ведь больше ничего не просила, правда?

Что правда, то правда.

Она вздохнула.

– А теперь мне приходится тащить вас туда на аркане. И почему это я ничего другого и не ждала?

Послушав меня, вы, чего доброго, решите, будто Вибекке прямо мегера, но это не так. Она справедливая и красивая, и она совершенно права: нас в доме трое мужиков, и мы вечно наобещаем с три короба, а обещаний своих не выполним: ка-

вардак на кухне устроим, обувь в коридоре разбросаем, дверцы шкафов распахнем, а сами в любое время суток усядемся смотреть футбол и играть на компьютере. Если учесть все дела, что приходится делать, и посмотреть, кто именно эти дела делает, то счет окажется совсем не в нашу пользу.

Энергии у Вибеке хоть отбавляй. И работоспособность просто невероятная.

А к нам она более чем снисходительна.

Видару выдали грабли, чтоб он сгреб с газона пожухлую прошлогоднюю листву, а Эйольф вместе со мной носил камни из того уголка сада, где Вибеке хотела поставить теплицу, в другой. Сама Вибеке, то зажав в зубах садовые перчатки, то с тяпкой или граблями в руках, то с лопатой под мышкой порхала туда-сюда, ухитряясь по обыкновению разом делать множество дел.

Трудновато с ней тягаться, недаром ее отец любит говорить, что у нее десять рук. Надеюсь, наши дети унаследуют прыть матери. Вот Эйольфу, похоже, эта ее черта передалась, посмотреть хоть, как он двигается: выкладывается во всю и умеет заставить себя работать и на футбольном поле, и за уроками, а если спросить у него, как, мол, дела, хорошо ли, так он вас даже и не поймет: *Хорошо? А чего? Конечно, хорошо.* Видар медлительнее, да и вообще ему в жизни сложнее приходится: он часто болеет, то и дело пускает слезу и в целом сильно смахивает на меня, особенно когда вдруг застынет в задумчивости прямо посреди комнаты. Скорее все-

го, нацелится в какой-нибудь университет, чтобы заняться философией или чем другим в этом роде, вот как мне думается.

Должно быть, сосед за нами наблюдал, за всеми четверыми.

Так я теперь думаю.

Прямо вижу, что вот стоит он в своем новом доме и приглядывается к тому, как мы возимся в своем не бог весть как ухоженном саду и пытаемся навести порядок там, где что-то не так. Тачка с октября еще прислонена к яблоне; под стеной времянки брошена лесенка от трамплина и свалены здоровенные доски, которые под Рождество привез мой отец, – пригодятся, дескать; позади дровяного сарайчика, рядом с кучей хвороста, с которым мы никак не расстанемся, валяется новогодняя елка или, скорее, то, что от нее осталось.

Первым Стейнара увидел я. Стейнар, пригнувшись, пробрался в лаз, который так не нравится Вибекке. Я пытался восстановить в памяти этот момент, задумывался, нельзя ли было уже тогда предвидеть что-нибудь, чему суждено было потом случиться – разглядеть это в его облике, в звучании голоса, в том, что он говорил, в сиянии глаз, – но всякий раз приходил к выводу, что нет, нельзя.

Всегда пытаешься что-то понять задним умом. Наверное, нам, людям, невозможно от этого удержаться, но единственное, с чем не поспоришь, так это с тем, что перенестись в

прошлое возможно лишь силой мысли, ну, и тогда, думаю, логично, что многое при этом упускаешь и не меньше того присочиняешь.

Не так просто охватить взором собственную жизнь, хотя кроме тебя никто эту жизнь и не проживает.

И вот что у меня получается, когда я стараюсь наиболее отстраненно и непредвзято описать случившееся: он, пригнувшись, пробрался через лаз в изгороди, выпрямился и зашагал к нам по газону. Я заметил его и даже, кажется, слегка вздрогнул, но не успел я подумать *вот и новый сосед*, как он уже тут как тут со своим пронзительно приветливым и на редкость открытым лицом, протягивает мне руку и говорит:

– Смотрю, работа кипит!

Я, наверное, усмехнулся. Наверное, с моих уст слетело недоуменное “эээ”.

Мне протянули здоровенную пятерню.

– Да-да-да-да-да, чудная картина, работа в охотку и настроение что надо! Отлично. Я – Стейнар, мы с женой и сыном ваши новые соседи. Погода чудо, а?

Я пожал его руку, уж такое рукопожатие никак вялым не назовешь, а что я ему ответил, не припомню. Может, назвал свое имя, может, засмеялся, может, сказал, что вот скоро весна, пора навести порядок в саду, а может, тут как раз Вибеке показалась из-за угла и подошла познакомиться с новым соседом.

Точно помню, что меня посетила неуместная мысль: *Вот идет бесстрашный мужчина.*

Ага.

Прямо вижу это.

Такие простые сцены я редко в состоянии вспомнить. Как бы мне хотелось, чтобы на киноплёнке хранились кадры из повседневной жизни, на которых я и мои близкие просто существуем, просто живем:

Солнце клонится к закату.

Эйольф несет по участку тяжелый камень.

Видар поковырял палочкой в жухлой траве.

Из-за угла появилась Вибекке.

Я почти уверен, что ее даже и на таком расстоянии впечатлил его облик, как если бы он был величественным собором или удивительным природным феноменом.

Вибекке встала рядом со мной, так что мы оба оказались лицом к лицу с соседом. Она дунула на прядь волос, упавшую ей на глаза; я видел этот жест миллион раз, и всегда он вызывает во мне желание затянуть ее в постель. Потом она переложила садовые перчатки в левую руку, а правую протянула соседу и сказала:

– А мы как раз гадали, кто же там будет жить.

– Можете больше не гадать, – ответил Стейнар и залился своим заразительным смехом, который на несколько месяцев стал визитной карточкой нашей округи.

– Вибекке, – представилась жена, улыбнувшись.

– Стейнар, – ответил он, мотнув головой. – А о вас я слышал, вы ведь директор здешней школы, да?

– Ну да, – ответила Вибекке, – это благодаря мне молодежь отсюда сваливает с такой скоростью.

Стейнар заулыбался, а потом повернулся к моим ребятам, стоявшим чуть в сторонке и дивившимся этому типу, вдруг оказавшемуся у них в саду.

– О, смотрите-ка, – обрадовался Стейнар, – здесь и молодняк есть! Как вас зовут?

Он двинулся к мальчишкам, и мне показалось, что земля дрожит под его ногами.

– Ну что? Будем знакомы: Билли Боб Зайцелап!

И он протянул моим парням пятерню. Я видел, что Видар чуть отшатнулся, он у нас пугливый, а вот Эйольф наслаждается на всю катушку.

Важно сразу сказать: не прошло и нескольких секунд, как и нам, и всем вокруг нас захотелось быть к нему поближе.

Жену его мы увидели только на следующий день. Она таскала коробки с вещами и вообще всячески хлопотала, так что какого-то определенного мнения у нас не сложилось, однако Лив Мерете, так ее зовут, производила впечатление приятной и в хорошем смысле обыкновенной женщины. Но, может, просто требуется время, чтобы раскусить такого человека, разобраться в нем?

Она устроилась на должность счетовода в какой-то городской конторе и стала истовой прихожанкой местной церкви,

что страшно бесило Вибеке. Она всегда распаляется, когда дело касается религии, а уж особенно ее переключивает, когда люди, в умственных способностях которых она не сомневается, *тратят свой интеллект на банальное суеверие*, выражаясь ее словами. Меня вообще трудно вывести из себя, к тому же я не вижу в этом ничего предосудительного. Но мне нетрудно представить, какой шухер Вибеке со своими взглядами на религию наводит в школе. Она постоянно в контрах то с другими учителями, то со школьным советом, ну и, конечно, со скандальными родителями.

Невозможно умолчать о том, что жена у Стейнара очень красивая, с какой-то беспримерно изумительной фигурой, пробуждающей порнографические ассоциации. Вибеке тут же выдала комментарий, что, должно быть, именно *на это* повелся Стейнар с его жадной до жизни натурой. Я сказал, подожди немного, не стоит так уж сразу на человека клеймо ставить.

Вибеке только усмехнулась.

Вот так мы с женой и пикируемся, постоянно, но без озлобления.

Лив Мерете оказалась на пару лет моложе нас с Вибеке, а выросла она в соседнем селе. Когда мы представились друг другу – на ходу, потому что она все возилась со своими коробками, – мне показалось, что я ее уже где-то видел.

– Подожди-ка, – сказал я, – а мы раньше не встречались? В скаутском лагере тысячу лет назад?

Она мило улыбнулась и сказала, что да, вполне возможно, потому что она в юности активно участвовала в скаутских слетах, но потом уехала из наших краев и давно здесь не бывала. А вот теперь, значит, вернулась в родные пенаты с мужем, Стейнаром, и с новой фамилией.

– Знаете, – добавила она, – в жизни бывают разные фазы. Извинилась и пошла дальше таскать свои коробки.

А в остальном мы поначалу редко видели Лив Мерете. Зато нам на глаза постоянно попадался Стейнар, всюду мелькали его крупные руки, слегка смахивавшие на щупальца, и звенел громкий голос. Его невозможно было не заметить, такой он был яркий. Поначалу никто из нас особо не задумывался над тем, что жена Стейнара – как бы это сказать? – всегда держится в тени.

Нам не дано постичь то, что творится у нас прямо перед носом.

Сейчас дом Хогне пустует. Ждет новых владельцев, но мы по-прежнему называем его домом Хогне.

Хотя где теперь то семейство Хогне, нету его, развалилось, причем, как я и про нас боялся, изнутри... В начале 2013 года мы с Вибекке заметили, что Марие, хозяйка, побледнела и осунулась, а к весне стало видно, что ее взгляд утратил силу, словно бы она заставляла себя смотреть. За все лето мы ни разу не видели ее даже мельком и стали подумывать, не заболела ли она серьезно или еще что в этом роде, но с приходом осени она начала по вечерам появляться на

крыльце с сигаретой – закутанная в большую парку, ссутулившаяся и с почерневшим взглядом. Ничего хорошего это не сулило. Эспен, ее муж, бродил как неприкаянный; а встретишь его, когда он придет домой с работы, – так прошмыгнет, потупившись, от машины к входной двери и в глаза не смотрит. Он тоже похудел, брюки мешком висели на плоской заднице; в общем, соседи выглядели еле живыми, словно две обгорелые спички.

Как-то он наткнулся на меня вечером в декабре, я как раз вышел вынести мусор. Поднял крышку, пахнуло лежалыми отходами; опустил мешок вниз. Захлопнул бак – и тут вдруг прямо передо мной стоит сосед, я даже вздрогнул. Он напоминал ходячего покойника, какими мы привыкли представлять их себе теперь, когда жанр зомби стал общепринятым развлечением и на Хэллоуин в конце октября все наряжают детишек ожившими мертвецами.

Кожа у него высохла и выцвела, взгляд потух.

– Вот оно как.

Морозный пар столбиком поднялся от его губ.

– Эспен, – сказал я, – ты меня напугал. Да, холодно сегодня. Из пивной возвращаешься?

Он устало провел по губам тыльной стороной ладони:

– Мм... ну да.

– Иногда неплохо проветриться, – сказал я.

Грудная клетка Эспена потихоньку расправлялась.

– А ты все там же работаешь... как там оно называется...

С ЭТИМИ МОЛОДЫМИ...

– Кризисный центр, – сказал я.

Он кивнул.

– Ну да. Кризисный центр.

Повисла пауза. Она неприятно затянулась, и я повторил:

– Кризисный центр, да. Мне нравится эта работа.

– Хорошо, – слишком громко сказал он, сильно, чуть ли не угрожающе похлопав меня по плечу. – Очень, *очень* хорошо, ты людям настоящий друг. *Очень* хорошо. Так держать, приятель.

Тут плечи у него затряслись, жилы на шее надулись, вокруг рта заходили желваки, а дрожь распространилась на затылок и грудь.

Мы не слишком-то знали друг друга, были не друзьями, а просто соседями. Оба работали в городе, докуда от нас три четверти часа езды; при встрече перекидывались парой фраз о погоде и ветре. А тут он разрыдался у меня на глазах, а я не придумал ничего лучше, чем похлопать его по плечу, как он меня раньше.

– Эспен... Ну будет, будет. Все еще образуется.

Его губы скривились в язвительную усмешку:

– *Образуется?* Да что ты можешь знать?

Он с силой выбросил вперед кулак, будто там стоял кто-то, кому он хотел врезать, и пошел к себе – к тому, что у него еще там оставалось. Месяцем позже, в январе, Хогне выставили свой дом на продажу, и я помню, что подумал тогда: *их*

брак уже не спасти.

Вот такие вещи приключаются с нами, людьми. Меня это ужасно страшит.

Я не знаю, как Эспен и Ранди живут теперь, я ничего про них не знаю. Не имею понятия, где теперь их ребята, Хейди и Юнас. У Эйольфа с Видаром мало что останется в памяти об этих товарищах по детским играм. Наверное, и я тоже постепенно забуду их, единственное, что останется в памяти, это фамилия, прицепившаяся к дому.

Когда соседи съезжают, обычно говорятся фразы типа *будем на связи, надо будет встретиться*, и, наверное, те несколько секунд, пока люди улыбаются и обнимаются на прощанье, они верят, что так и будет. Но так не бывает почти никогда. Уехавшие соседи разом исчезают из вашей жизни, связь с ними моментально прерывается и так же моментально завязывается с только что въехавшими новыми.

Вибекке бывает резковата.

Ее отец, зубной врач, говорит, что его средняя дочь родилась с острыми зубами и заточенными ногтями. Зубного врача – это я тестя так называю – на самом деле зовут Торгер, и он очень своеобразно выражается. Занятный он тип, наш зубной врач, вечно подберется к собеседнику неестественно близко, понизит голос и выдаст одну из своих фирменных фразочек, в которых сравнивает людей с животными или разжигает интерес чем-нибудь загадочным:

– Посмотри-ка на свою жену. Сразу видно, задумала что-

то сегодня: взгляд с поволокой, а сами-то глаза зеленые какие, антилопа да и только, к чему бы это?

Зубного врача так и распирает от гордости за среднюю дочь. Он и его жена, Клара Марие, неразлучны с шестнадцатилетнего возраста, и Клара Марие, всю жизнь проработавшая в гостинице на берегу фьорда, говорит, что ему надо было стать писателем, а не зубным врачом. Он неизменно выступает в рождественских концертах в сельском клубе с традиционным номером: в роли придуманного им *Брюзги Хоконна* беззлобно поддразнивает и односельчан, и горожан, никому не давая спуска. Он еще и поет, причем неплохо, так что второй его номер – это всегда песня на известную мелодию, но со злободневным текстом. В общем, зубной врач всеми любим, и если бы не это, то, я уверен, Вибекке не сходило бы с рук так много. И Торгер, и Клара Марие родились и росли здесь, его отец был рыбаком, ее отец управлял молокозаводом, а мать держала лавку с пряжей. Клара Марие популярна у нас нисколько не меньше мужа, и я знаю, что о ней говорят: *на Кларе Марие дом держится.*

Познакомились они в соседнем поселке на танцах более сорока лет назад. Зубной врач увидел Клару Марие, подошел к ней и сказал, что она похожа на лебедя, и они стали встречаться. Во всяком случае, он излагает эту историю именно так, а Клара Марие не возражает. С тех пор они неразлучны. Раньше такое было обычным делом, теперь же зубного врача с его Кларой Марие впору считать анахронизмом. Она

такая же резкая, как и ее средняя дочь, так что зубного врача ничто в характере Вибекке не должно озадачивать – невооруженным глазом видно, в кого пошла дочь.

Я думаю, зубному врачу вообще нравится окутывать себя атмосферой таинственности, и хотя сам я не такой, совсем не такой, мне кажется, это здорово, что кто-то приправляет наши дни всяческой чудинкой, иначе они легко выстраиваются в однообразную череду.

Мы с Вибекке достигли возраста, когда вокруг нас все разводится. Когда Видар десять лет назад пошел в садик, большинство детей в его группе росли в полных семьях, пусть даже родители и не регистрировали брак. Были пара матерей-одиночек и один отец-одиночка, приметный такой колумбиец, не говоривший по-норвежски. Мы даже подумывали, не наркобарон ли он, но всякий раз, как мы принимались судачить о роде занятий Хорхе, в конце концов заключали, что из нас лезут типичные для норвежцев дурацкие предрассудки по отношению к иностранцам: *раз у него усы, как у Эскобара, и он всегда помалкивает, значит, сразу уже и наркоделец?*

Через несколько лет распалась первая пара, а потом пошло-поехало, что среди родителей в детском саду, что позднее в школе. Теперь мы с Вибекке остались одной из немногих родительских пар в классах Видара и Эйольфа.

Иногда даже создается такое странное ощущение, будто мы на очереди. Что разбежаться – чуть ли не наш долг перед

современностью.

Меня трясет от одной мысли об этом, это же ужас.

Мне бы хотелось, чтобы мы были вместе так же долго, как зубной врач с Кларой Марие, и как отец с мамой, которые прожили вместе почти столько же. Но должен признаться, что когда Стейнар, пригнувшись, пробрался через лаз, выпрямился и явил нам свою внушительную фигуру, когда пожал руку моей жене и эдак *мотнул головой*, на меня повеяло тем, чего я постоянно боюсь почти так же, как и распада нашей семьи изнутри: как бы какой-нибудь мужчина, на меня не похожий, не отбил у меня мою резкую Вибекке.

Я не часто показываю, какой я размазня. Но до чего же я боюсь потерять ее, знаю ведь, что мне повезло. В том смысле, что я полностью отдаю себе отчет, кто в нашем доме звезда. Мне все мнится, что если я это покажу, если буду по-собачьи таскаться за ней по пятам, как наши пацаны, особенно Видар, таскались за ней малышами, то она перестанет меня уважать.

Так что да, она резкая.

Резкая почти до неприличия, ровно как ее мать. Затрудняюсь объяснить, почему меня это всегда привлекает и умиротворяет, логики в этом никакой, ведь обычно я таких женщин боюсь пуще огня. Вот первое, что Вибекке в ту среду объявила Лив Мерете в саду:

– Вижу, у тебя на шее крестик. Ну, так сразу скажу – у нас в поселке полно помешавшихся на христианстве, но мы в

семье язычники и по воскресеньям подстригаем газоны. Мы считаем, что в мире было бы гораздо – *гораздо* – лучше жить без религиозных фантазий, которые выдаются за истину и за которые люди готовы идти на смерть. Меня зовут Вибеке, добро пожаловать на нашу улицу.

Я даже и не пытался пикнуть, что в “мы”, от лица которых она выступала, может, и нет полного единогласия. Когда Вибеке этак вот раскипятится, лучше придержать язык. И на тропе войны она просто великолепна, так что мне это, собственно говоря, нравится.

Стейнар, как я заметил, от души посмеялся над этой тирадой, которую Вибеке произнесла с апломбом, не переставшим меня восхищать; главное тут, чтобы острие атаки было направлено не на меня.

Когда мы с Вибеке вечером легли в постель, она, еще до секса, выдала реплику из тех, какие, слава богу, не долетают до ушей родителей, чьи дети учатся в ее школе:

– Мне эта дамочка ну совсем не понравилась.

Помяв ее руку в своей, я откликнулся:

– Думаю, это все заметили.

– Цыц у меня.

– Тебе не кажется, что ты судишь о ней сплеча?

Вибеке слегка ухмыльнулась и сказала:

– Интуиция подсказывает.

– Тебе бы уgomониться немного с этими твоими наскаками на религию, – заикнулся было я.

– Господи, Йорген, – сказала она устало, – ты же прекрасно знаешь, что я никогда с этим не угомонюсь, и ты знаешь, что я ненавижу, когда ты говоришь *эти твои наскоки на религию...*

– Ну да, да...

– Для меня это серьезно.

– Да, да...

– И ты знаешь, что я усматриваю в религии величайшего врага развития человечества, я вижу в ней главную угрозу человеческому существованию...

– Знаю я, Вибекке, знаю.

– Я вижу в ней оскорбительный идиотизм, тысячелетнее злоупотребление властью, явление, препятствующее развитию свободного, независимого и позитивно мыслящего человека, корень...

– Всех зол, – сказал я с ней в унисон, чтобы положить конец лекции.

Вибекке трудно возражать. Хотя я с ней и не согласен – я не смотрю на религию столь критически и даже иногда думаю, что не отказался бы от спасения, – всегда выходит так, будто права она, по крайней мере в политической плоскости, в какой моя жена только и готова обсуждать подобные вещи.

Да, так насчет интуиции.

Это правда. Интуиция у нее развита невероятно. Вибекке из тех, кто непонятно как моментально схватывает самую суть; она моя полная противоположность, до меня-то все до-

ходит мучительно долго. Я думаю, что я этакая черепаха, а она заяц, если воспользоваться фигурами речи зубного врача. Вибеке носом чует, когда пора связывать ставку по кредиту или покупать билеты на самолет.

Я взял ее руку в свою и провел пальцами по ее коже.

Потом мы занялись сексом. Хорошим, свободным сексом. Тем, который нам по душе. Выслушав за многие годы не одну жалобу отчаявшихся приятелей, я понял, как мне повезло.

– Забавный кадр этот врач, – сказала Вибеке, расслабляясь после секса. – Мне он понравился.

– Да, – сказал я, – внес свежую струю в жизнь на нашей улице.

Два раза в сезон, осенью и весной, я стараюсь ездить в Аптон парк.

Обычно мы отправляемся вместе с Бьерном, единственным из моих приятелей, болеющим за “Вест Хэм” из Восточного Лондона. Нас таких вообще не слишком много. В детстве меня интересовали, в сущности, только футбол да лыжи, ну и в определенной степени коньки и легкая атлетика. Мне очень нравилось вместе с отцом смотреть трансляцию новогодних гонок из Гармиш-Партенкирхена или какого-нибудь другого далека, особенно когда показывали лыжные гонки на сто километров или на тысячу метров; или вот еще, к примеру, увлекательно было наблюдать за забегом с барьерами на Олимпийских играх... но ничто не заставляло мое сердце биться так сильно, как матчи англий-

ского первого дивизиона. Отец прилагал все усилия к тому, чтобы я болел за “Ипсвич”, но в детские годы я боготворил “Ливерпуль” и “Юнайтед”, для моего поколения – я родился в 1972 году – это были великие команды, и я провел немало счастливых часов благодаря Кевину Кигану, Брюсу Гроббелару и другим героям той эпохи, но в середине восьмидесятых я переметнулся к молотобойцам из “Вест Хэма”. Скорее всего потому, что для “Молотков” на редкость удачно сложились сезоны при Джоне Лайле в 1985/86 годах. Помню, Фрэнк МакАвенни и Тони Котти вместе залепили больше пятидесяти голов. “Вест Хэм” поднялся до неслыханного третьего места, опередили его только две команды, “Эвертон” и “Ливерпуль”. Помню, как пристально я в тот футбольный сезон следил за успехами “Вест Хэма”, я просто тащился от этих озорников, в основном известных как кумиры хулиганов и показавших несколько хороших результатов в чемпионатах во времена Бобби Мура, которые сумели заявить о себе в мире больших. Тогда я к ним и прикипел.

Это мне до сих пор по нраву.

Маленькие люди против превосходящих сил.

Обычно нас было двое таких, я да Бьерн, готовых потратить существенную часть годового дохода на поездку в Аптон парк. Мы с ним члены клуба болельщиков “Скандинавские Молотки”, в нем без малого 800 горячих голов, и если вспомнить, что у “Ливерпуля” типа 36 тысяч членов, а у “Юнайтеда” – так вообще 45 тысяч, то меня можно понять.

Мы с Бьерном познакомились еще совсем мальцами, он жил на другой стороне здешней речки и учился в параллельном классе, их у нас было всего два. В школьные годы мы с ним не общались, я его помню главным образом как долговязого парня, который вечно пинал гравий на дорожках, но повзрослев и обнаружив, что мы оба болеем за “Вест Хэм”, мы стали добрыми приятелями. Один раз мы даже семьями ездили вместе в отпуск. Вибекке прекрасно ладит с женой Бьерна, Ингфрид, которая заведует уборкой в сельском пункте приема рыбы и еще торгует на ярмарках замысловатыми лепными фигурками из теста. Она прославилась ими далеко за пределами округа: про нашу Ингфрид вполне можно сказать, что в глубине души она художник.

– Если бы ты хоть толику времени, потраченного на “Вест Хэм”, уделял чему-нибудь разумному, ты мог бы спасти мир, – говорит Вибекке.

Нелепая идея, но я понимаю, что Вибекке имеет в виду.

Обычно я отвечаю, что если бы люди увлекались только футболом, а не религиозными войнами и большой политикой, наш шарик уже был бы спасен.

Тоже нелепое высказывание. Когда мы пререкаемся подобным образом, то оба, пожалуй, понимаем, что ведем себя ребячливо, но тем не менее Вибекке знает, что в моих словах есть доля истины, хотя этот аргумент и не особо убедительный.

Встречаясь, мы с Бьерном главным образом обсуждаем

“Вест Хэм”. И эта тема, думаю, вряд ли может нам прискучить. Это не значит, что нас больше ничто не интересует, просто для нашей дружбы “Вест Хэм” важнее и интереснее всего остального. А вообще Бьерн электрик, он долго вкалывал на горнодобывающем заводе, а теперь работает на себя и “до чертиков этому рад” – и потому, что времена сейчас ненадежные, и потому, что, говоря его словами, он “не выносит, чтобы им командовали”.

И в этом весь Бьерн. Он стал болеть за “Вест Хэм” не потому, что они тогда, в середине восьмидесятых, были крутой командой, а потому, что все прочие тащились от “Ливерпуля” или “Юнайтеда”. Если Бьерну что втемяшится, его не собьешь, и еще он глубоко презирает стадный инстинкт в людях, и чем дольше он в нашем поселке живет, тем сильнее презирает. Хотя, по правде сказать, он из нас самый надежный и если нашему селу будет что-то угрожать, Бьерн станет сражаться за него отчаяннее всех.

Зимой, перед тем как все это случилось, Бьерн, бедняга, разболелся, да так серьезно, что все переволновались. Он всегда был довольно спортивным и здоровым парнем, в меру тренированным, вел вполне здоровый образ жизни, а тут проснулся и не смог пошевелить ни одним мускулом на лице. А ведь у него нет ни гипертонии, ни диабета, и клещи его не кусали. На следующий день его не слушалась уже вся правая половина тела, включая ногу, а врачи в больнице только руками разводили. Они утверждали, что причину выяснить

невозможно, так что Бьерну и его семье пришлось тяжело; он до сих пор еще полностью не восстановился, хотя понемногу и поправляется.

Меня тогда сильно потрянуло – он первым из моих приятелей заболел серьезно, и хотя о старости тут говорить не приходится, я как будто заглянул в самую черную бездну жизни, примерил на себя то, что когда-нибудь неизбежно наступит.

Ну да ладно. Короче, вот он я в апреле 2014 года, с лишним билетом на майский домашний матч против “Тоттенхэма”, предпоследний в сезоне. Мы, фанаты “Вест Хэма”, видели, к чему идет дело – еще один сезон в середине турнирной таблицы. Зубной врач, болельщик “Арсенала”, от души потешался над этим и обзывал меня мальком.

Мы, “Молотки”, к такому привыкли. Мы находим фантастических игроков – Рио Фердинанд, Фрэнк Лэмпард, Джо Коул. Они поиграют у нас пару сезонов, а потом их перекупают другие клубы. Нам остается только потихоньку зализывать раны. В своей серии мы чаще всего оказываемся на двенадцатом месте или около того, если не в самом низу, как случилось в ужасный сезон 2010/2011 годов, не говоря уж о 2002/2003. Изредка нам удается взобраться в таблице неожиданно высоко, как в 1998/1999, когда мы заняли пятое место, или в 2001/2002, когда мы вскарабкались на седьмое, но выше этого все никак да никак, хотя время от времени нам и удается нагнать страху на противника, как когда у

нас был счет 3–3 против Ливерпуля в финале Кубка Англии 2006 года, – ливерпульцы выиграли тогда по пенальти. Если хотите знать мое мнение, нам нужен другой тренер, который сумел бы добиться стабильно высокого уровня игры.

Если ты преданный болельщик, то учишься жить с этими успехами и неудачами. Злишься на игроков, не достигающих результата, на плохую подготовку к турнирам, но никогда не теряешь веры. Каждую божью неделю тебя колотит, каждый матч тебя выматывает, но ты все равно цепляешься за мечту о победе в следующем матче. О выигрыше у одной из сильнейших команд. О высоком месте в таблице. О том, чтобы совершилось невозможное и “Вест Хэм Юнайтед” однажды выиграл чемпионат.

Однажды.

Слушай, а давай я с тобой поеду?

Было начало апреля.

Стейнар стоял в прихожей, *заполнял собой прихожую*. Он заглянул к нам одолжить лыжные ботинки для их сына Магнуса, близилась Пасха, они собирались уехать покататься на каникулы, а ботинок нужного размера у них не было. На мне была майка в цветах “Вест Хэма” – они играли матч, а я в такие дни всегда ее надеваю, – и я только что рассказал Стейнару про Бьерна, про его пугающую болезнь и про то, что не знаю, как теперь быть с билетом на майский матч.

Стейнар хохотнул.

– А чего, клево будет! Поехать вместе с участковым вра-

чом, который не болеет за “Вест Хэм”?

Стейнар ткнул меня локтем в живот и снова хохотнул: – Круто же!

В этот момент с чердака со старыми лыжными ботинками Видара как раз спустилась Вибекке и увидела, как Стейнар приблизился ко мне, приобнял за плечи своей ручищей и чуток притянул к себе. Представляю, как это ее повеселило, потому что она-то знает, до чего претит мне такое панибратство, особенно между мужчинами. Она тогда еще и обрадовалась – дело в том, что Вибекке убеждена: все, что нам, людям, кажется неприемлемым, что выводит нас из зоны комфорта, полезно для нашего развития. Тут я никак не могу с ней согласиться, мы с ней довольно много препираемся по этому поводу. Нет, я с этим абсолютно не согласен. Я, совсем наоборот, считаю, что если человек чувствует себя в жизни спокойно и уверенно, то пусть так и будет все те годы, дни и минуты, которые отпущены ему на этой земле.

Голос Стейнара был слышен, наверное, повсюду в доме: – Вибекке, а мы с твоим мужем в мае едем в Лондон!

И не успел я осознать, что еду на три дня в Лондон вместе с соседом, которого почти не знаю, не успел я пикнуть, как мы уже вроде и договорились.

*Иногда мы пытаемся
посмотреть на себя
со стороны*

*Ни у кого
не получается*

*Да никто
и не вынес бы*

Один раз, 11 ноября 2000 года, Вибекке съездила со мной в Англию на матч. Незабываемый для нас, “Молотков”: мы выиграли у “Сити” со счетом 4–1 в сезон, дававшийся нам тяжело; для меня это был день триумфа. Когда привычный для английского матча уровень шума начал возрастать, то есть еще за пару часов до того, как в игру ввели мяч, Вибекке возмутилась. *Ну и скоты*, сказала она, не скрывая негодования. А когда с началом игры с трибун понеслись кричалки британских футбольных болельщиков, простонала: *Господи, Йорген, как ты это терпишь*. Когда же и мужчины, и женщины вокруг нас завопили во все горло *Сити тухнет, Сити воняет! Наш молоток его добивает!* – Вибекке заявила:

– Всё, больше я на футбол не хожу!

И покачала головой, выразив этим жестом, как я понял, презрение и ко мне, и к моей команде, и к футболу вообще.

– Господи, Йорген, – сказала она, – какое убожество. Как тебе могло прийти в голову, что мне это понравится?

Мы с ней уже добрались до своего гостиничного номера, был поздний вечер того же дня. Мы были моложе, и я пря-

мо вижу нас: стройные, раскованные. Я был счастлив, потому что моя команда одержала важную победу, да еще и с разгромным счетом, и немножко навеселе, потому что после матча мы завернули в паб.

– А почему не могло? – пожал я плечами. – Просто понадеялся, и зря, что ты в виде исключения снизойдешь до моего уровня.

Так я высказался тогда на тему, которую обычно стараюсь не затрагивать. Это единственное, что сильно раздражает меня в Вибекке и что могло бы, если я бы стал слишком упираться на это или она бы чаще это демонстрировала, вбить клин между нами. У Вибекке высшее образование, и меня просто бесит, когда ей не терпится показать свою образованность, когда она судит о людях свысока и не желает признавать, что не все вокруг такие же тонкие натуры, как она. Я прекрасно понимаю, что и я ее бешу, что ее бесит мое, как она считает, наносное плебейство. Ничего наносного в нем нет, огрызаюсь я; да, я плебей и хочу таковым оставаться.

Так мы и живем, время от времени возвращаясь к этой дурацкой дискуссии, в которой наше красноречие в основном гоняет нас по порочному кругу. Глупость жуткая, конечно.

В тот вечер в меня просто черт вселился. Я скинул кроссовки, откупорил бутылку пива из мини-бара и, как следует к ней приложившись, повернулся к жене и запел:

We all follow the West Ham

Over land and sea

We all follow the West Ham

*On... to victory!*¹

– Ну ты совсем, что ли, – сказала она и вздохнула, а потом добавила еле слышно: – и зачем я согласилась поехать.

Я поставил бутылку рядом с телевизором.

– Знаю, – сказал я, – знаю, знаю. Дурацкая затея.

Мы оба замолчали. У нас было две возможности – спустить все на тормозах или завязать одну из наших относительно редких, но тем более безобразных ссор. Когда такое случается, я вдруг становлюсь похожим на своего отца, обычно тихого и миролюбивого, но таящего в себе колоссальную энергию, которая время от времени выплескивается в виде безудержной ярости. Такие вспышки случаются у него раз в несколько лет. На меня накатывает еще реже, так редко, что всякий раз это бывает для меня большой неожиданностью: мной будто завладевает злой дух или что-то в этом роде.

– Иди ко мне, – позвала Вибекке.

Она сидела на постели. На ней были черные колготки и узкая лиловая юбка. А сверху шерстяной джемпер с длинными рукавами.

– Ты выглядишь просто потрясно, – сказал я и двинулся

¹ Мы за “Вест Хэмом” по суше и морю, // мы за “Вест Хэмом” пойдем // до победы! (англ.). – Здесь и далее примечания переводчика.

к Вибекке.

Остановился, разглядывая ее. Попросил тихонько:

– Потрогаешь себя?

Кивнув, она так и сделала: откинулась на спину, прикрыла глаза и принялась ласкать себя.

Пятнадцатью годами позже мы со Стейнаром заселились в тот же трехзвездочный отель в районе Аптон Парка, всего в паре километров от стадиона “Болейн Граунд”.

Мы прилетели в Лондон в пятницу вечером. С половины дня я отпрашился с работы, что было не очень кстати, потому что Финн, младший из моих подопечных в центре, переживал непростой в поведенческом аспекте период: стоило мне только выйти в перерыв пообедать, как ему казалось, что все его бросили. У Финна была тьма-тьмущая диагнозов, жесткие перепады настроения, и он был сильно ко мне привязан. Слишком сильно. Такая привязанность вредит, мы об этом много говорим на работе, однако это только сказать легко, что следует избегать того, чтобы пациент привязывался к тебе так сильно, как Финн привязался ко мне. Но как реально добиться этого, когда в его глазах читается, что среди живых его удерживают лишь твои руки?

Финну не понравилось, что я взял выходной с середины пятницы; я знал, что вечером после моего отъезда он отыграется на дежурных, да и в выходные задаст жару. Вообще-то из-за такого нельзя переживать, но я всегда переживаю, особенно когда речь о Финне; никогда в своей практи-

ке я не сталкивался с такой тяжелой историей, как у него. Я много раздумывал над тем, что неизменно подставляю своих парней в процессе работы. Выполнять ее и не разочаровывать их невозможно. Смысл всей нашей деятельности состоит в том, чтобы быть с ними и для них, так ведь? Но тогда само собой очевидно, что если это удастся, ты становишься важным для них человеком, они не считают, что ты общаешься с ними только по работе, и бывают колоссально разочарованы, когда до них доходит, что *у Йоргена есть и другая жизнь, кроме вот этой, с нами; более важная жизнь, его собственная жизнь.*

Я обнял Финна, покидая кризисный центр в ту пятницу. Мы стояли в холле, я крепко прижал к себе его тощенькое тело, над которым шестнадцать лет издевались и измывались, и сказал:

– Ну что, приятель, тогда до понедельника?

– Окей, – тихо сказал Финн.

Я попробовал заглянуть ему в глаза под нависавшей над ними белобрысой челкой, но он отвел взгляд.

– Окей, – повторил он еще тише, и я ощутил, что он потерял доверие ко мне. Так у моих парней всегда и бывает. Повод может быть самый незначительный, но я их прекрасно понимаю: ведь им очень часто доводилось разочаровываться в людях.

– А ты посмотри этот матч по телеку, – попытался я подбодрить его, – может, и меня покажут?

Мне кажется, у нас в центре подключены все каналы, какие только существуют, и Финн с удовольствием смотрел футбол, болел за “Юнайтед”.

Он пожал плечами. – Может, посмотрю, – сказал он.

– Финн?

Сглотнув, он поднял на меня глаза.

– Постарайся не забывать то, о чем мы с тобой говорили, ладно?

Финн не нашел, что ответить, и, опустив взгляд, стал рыться в карманах худи в поисках курева.

А о чем мы говорили?

Финн, ты просто классный парень.

Вот о чем мы говорили. Я все время пытался втолковать ему, втолковать так, чтобы он не просто понял, а *прочувствовал*, что он *просто классный парень* и нисколько, *ни в малейшей степени*, Финн, не виноват в том, что с ним так невероятно безобразно обходились. Что его личность никакого отношения к этому не имеет.

К этому.

Я заторопился к своему “опелю”. Машина стояла на щепке перед пристанищем моих парней, которых на тот момент было четверо: Сверре, Хьелль Арне, Лукас и Финн. Я не мог заставить себя поднять глаза к его большому окну, хотя знал, что он там стоит, стоит у окна и взглядом ищет меня, хочет, чтобы я на него посмотрел; но я не смог, и все. Однако пусть я и не смотрел в его сторону, когда садился

в “опель”, перед моим внутренним взором постоянно всплывало его лицо, его карие глаза, такие беззащитные, что у меня слезы выступают, стоит мне их представить.

Я заставил себя сосредоточиться на вождении.

Дальше обычная предотъездная суматоха: поспешные сборы, “пока” мальчикам и Вибекке, почти двухчасовая поездка до аэропорта, сначала по сельским угодьям, ближе к городу – по автомобильным пробкам, потом перелет в Лондон, прямой автобус от Хитроу или через Гатвик, заселение в отель, пара бутылочек пива – и в койку, набраться сил перед событиями следующего дня.

Поездка со Стейнаром прошла совсем иначе, чем с Бьерном. Был бы рядом Бьерн, мы бы все время обсуждали “Вест Хэм” и Премьер-лигу на том экспертном уровне, который был нам вполне доступен: *мы разбираемся во всем*. Мы знаем, какие команды и игроки на данный момент в форме, мы держим в голове результаты всех предыдущих матчей, мы умеем анализировать тактические построения и схемы, мы проводим исторические аналогии, и пусть это кому-то покажется смешным, но вести беседу на таком уровне офигительно клево. Футбольным болельщикам свойственна такая же спаянность, как коллекционерам фарфора, физикам-ядерщикам и любителям поэзии. Радость разделенного знания, разделенного увлечения, *пребывания в том же мире*.

Стейнар, как выяснилось, был никчемушным болельщиком. Он навязался в поездку как фанат “Эвертона”, но это

было громко сказано: он оказался из тех, что трезвонят о том, что болеют за такую-то команду, но на самом деле им по большому счету все равно. Может, когда-то в юности такие и питали чувства к “своей” команде, но теперь от любви осталось всего ничего, они практически не помнят ни лиц, ни имен игроков.

Все это обнаружилось, только когда мы уже летели в Англию и я, получив от стюардессы баночку пива, принялся прикидывать возможные стратегии игры, подготовленные “Вест Хэмом” и той командой, которая приедет к ним на матч. Мы с Бьерном всегда обсуждали в поездках такие вещи. Стейнар тоже взял пива, но он не знал, ни кто такие Харри Кейн или Энди Кэрролл, ни что мы называем “Вест Хэм” “Молотками”. Мало того, он не знал даже, что “Шпоры” – это “Тоттенхэм”.

Сегодня стоит поразмыслить над тем, почему я раньше не придумал этому значения.

В полете я об этом не думал, но помню, что эта мысль посетила меня, когда мы в пятницу вечером собрались ложиться спать, пропустив по нескольку кружек пива в пабе по соседству. Я трепался напропалую, он же был молчалив, а в какой-то момент и вовсе отвлекся.

“Бред какой-то, – подумал я, – вот он лежит тут рядом в номере на двоих, утром нам на матч к 12:45, а он в футболе ни шиша не сечет”.

Но я отбросил эту мысль, легко, как что-то естественное,

приняв желание Стейнара взять и на голом энтузиазме махнуть за компанию в поездку.

Я заснул.

Среди ночи проснулся.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, где я. *Ты в Лондоне, сейчас ночь, завтра матч, времени – сколько же?* – 03:45. Тут я понял, что проснулся потому, что в комнате что-то поменялось. Я не шевелился, мое тело не двигалось; я осторожно огляделся, приоткрыв глаза.

Из ванной вышел Стейнар с мобильным телефоном в руке. Голубой свет экрана был направлен вниз, к полу, словно он держал карманный фонарик. Я, замерев, прислушался. Стейнар тяжело дышал, казалось, каждый вздох поднимался у него от ступней и постепенно охватывал все тело.

Выражения его лица мне было не разглядеть.

К счастью.

Проснувшись, я увидел, что возле столика с лежащим на нем айпадом стоит Стейнар с замотанным вокруг пояса белым гостиничным полотенцем и зубной щеткой в руке. Он внимательно смотрел ютубовское видео; на его растянутых в широкой улыбке губах пенилась зубная паста.

I'm forever blowing bubbles

Pretty bubbles in the air

They fly so high

They reach the sky

And like my dreams they fade and die!

*Fortunes always hiding
I've looked every where
I'm forever blowing bubbles
Pretty bubbles in the air!²*

– Вот так песенка, – засмеялся он, пуская пузыри из пасты. Зашел в ванную, сплюнул и прополоскал рот. Под звуки льющейся из крана воды я посмотрел на часы – 09:10 – и откликнулся, зевнув:

– Ну да, странноватая, но милая, она у них еще с двадцатых годов.

Стейнар вышел из ванной.

– Мне же надо подготовиться к великому матчу, буду петь вместе со всеми! – Стейнар улыбнулся своей открытой улыбкой; каждому хочется, чтобы его такой одарили. – Хорошо спал?

Я кивнул, сел в постели и выглянул в окно. Сообразил, что Стейнар встал уже давно: на его кровати лежала газета “Дейли Мейл”, бумага несла на себе неуловимый отпечаток дня, а не девственного утра. За окном сияло голубое майское небо с редкими белыми облачками; видимо, денек в Лондоне выдался погожим и теплым. Стейнар оказался жаворонком, не то что я, любящий поваляться в постели.

² Я в облаках всю жизнь витаю, // Что за чудо эти облака! // Высоко летят, как мечты, летят, куда хотят, // их мой не удержит взгляд. // От меня коварная фортуна // все так же далека. // Я в облаках всю жизнь витаю. // Что за чудо эти облака! (англ.)

– Да, – ответил я хрипловатым со сна голосом, – я в Лондоне всегда хорошо сплю.

Стейнар принялся натягивать через голову белую футболку:

– Я уже позавтракал. Ты спал как младенец, я не стал тебя будить.

Еще не видя его лица, я сказал:

– Ага, я по утрам долго раскачиваюсь.

Его голова вынырнула из футболки. Стейнар небрежно поправил волосы, хохотнул и сказал:

– Пойду, пожалуй, прогуляюсь перед матчем, ведь еще есть время?

– Есть, – сказал я, – но почти все пока закрыто...

Стейнар развел руками и выдал одну из своих характерных сентенций, которые в устах других людей звучали бы фальшиво, а у него – искренне и ясно:

– Мир открыт, и я открыт.

Мне это понравилось. Похоже на то, как я себе представляю идеальный мир. Я воспринимаю жизнь примерно так же и мечтаю, чтобы все сложилось так же у моих парней и чтобы Финн почувствовал, что сказанное Стейнаром тем утром – ну, что мир открыт ему, а не слепит его карие глаза, – это правда.

Стейнар уже стоял в дверях в джемпере и ветровке. Наискось через плечо у него висела кожаная сумка цвета шампанского. В глазах здоровый блеск, в теле – здоровая упру-

гость: радуется майскому дню в Лондоне.

– Пойду поем, – сказал я, – а по пути на стадион заверну в “Таверну Болейн”.

Стейнар засмеялся: – Болельщик что надо, серьезный подход к делу.

– Прикольный дух “Вест Хэма”, – сказал я, – игры против “Тоттенхэма” всегда ожесточенные. Так что учти на всякий случай: если продаем, вечером настроение у меня может быть отвратное.

– Постараюсь утешить тебя, мой мальчик, – усмехнулся он.

– Баркинг-Роуд, прямо возле стадиона, “Таверна Болейн”. Давай встретимся там в половине двенадцатого?

– Идеально, – сказал Стейнар, заноса адрес в телефон, – идеально. “Таверна Болейн”, Баркинг-Роуд. Буду в полдвенадцатого, ни секундой позже. Жмите, “Молотки”!

Я захлопал в ладоши: – Молодец, запомнил.

– Половина двенадцатого, – сказал Стейнар, отворив дверь, – половина двенадцатого, а потом сокрушим “Тоттенхэм”.

Я наскоро принял душ, позавтракал, полистал лондонские газеты, почитал спортивные новости и пробежался в уме по тактическим схемам. Ну и, наверное, позвонил домой, Вибеке?

Не помню.

Меня сильно подмывало позвонить Финну, это я помню.

Хотелось услышать от него, что все не так плохо, как я опасался, но так у нас не делается, не принято нарушать границу. Нет. Наверное, я позвонил Вибекке рассказать, что Стейнар ничего не смыслит в футболе, что встал он ни свет ни заря и уже ушел гулять по городу. Но, может, я это присочиняю, чтобы выставить себя более наблюдательным, чем есть на самом деле.

Нет. Погодите-ка.

Домой я определенно не звонил.

Я послал сообщение Бьерну.

Точно. Я послал сообщение Бьерну, он же маялся в больнице в городе: “Без тебя Лондон не Лондон. Иду в «Таверну». Врач, который поехал со мной, о «Молотках» ни черта не знает. Разделаем «Шпоры» под орех! Прикольщик Йорген”.

Тут в памяти всплыла ночная сцена.

Стейнар стоит между кроватями в гостиничном номере, с телефоном в руке.

Я эту мысль прогнал.

Ну не спалось ему, что такого.

*I wanna go home, I wanna go home, West Ham's a shithole, I wanna go home*³.

Я перешел дорогу, свернул на Грин-стрит и там наткнулся на болельщиков “Тоттенхэма”. Пятнадцать-двадцать гордо печатавших шаг юнцов, большинство на вид как минимум

³ Я хочу домой, я хочу домой, “Вест Хэм” долбоебы, я хочу домой. (англ.)

лет на десять моложе меня. Они уже были пьяны от пива, от причастности к команде, от лондонского воздуха, от воодушевления, присущего дням матчей, от собственной славы чуть не самых безбашенных футбольных фанатов Британии. *YID Army, YID Army, hello hello, we are the Tottenham Boys*⁴.

Я спрятал вестхэмский шарф под полой куртки производства Фреда Перри, надеясь, что никто из них меня не заметил, – однажды я вот так же попал под раздачу. Душевный подъем болельщиков быстро перерастает в настрой, когда тебе того и гляди заедут кулаком в глаз.

Они меня не заметили. Прошагали мимо той поступью, какой мы, футбольные фанаты, шагаем, когда в голове у нас одна мысль: матч, матч, матч. Наверное, Вибекке правильно говорит: в мужиках дури немеряно.

Я так много раз ездил на игры в Англию, особенно на Болейн Граунд, что у меня завелись там знакомства, и только я, повязав шарф и выставив эмблему “Вест Хэма” на всеобщее обозрение, переступил порог “Таверны”, как из-за барной стойки подал голос Нодди:

– *The Norwegian’s in the house!* Норвежец с нами!

Так они меня кличут – Викинг, Норвежец или Северный Козел. Я в Восточном Лондоне уважаем почти как игрок, а не как болельщик или социальный работник из норвежской

⁴ Мы Армия жидов, мы Армия жидов, привет, привет, мы тоттенхэмские ребята. (Кричалка “Тоттенхэма” – *англ.*)

глубинки.

В паб я зашел около одиннадцати. Я не люблю пить пиво утром, у меня от него голова тяжелеет, но в такой обстановке не пить невозможно, перед матчем всегда опрокинешь пинту-другую, даже если матч начинается рано.

Так что да, видимо, Нодди приветствовал меня часов в одиннадцать. Еще там был Брэндон, стильный такой мужик лет под пятьдесят. Он в свое время работал на норвежском шельфе и потому ощущает со мной душевную связь. Перед каждой игрой “Вест Хэма” его можно застать здесь, в пабе, в любое время года: щеки малиновые, нос картошкой, кто ж не знает Брэндона. В разговорах со мной он любит вворачивать запомнившиеся ему норвежские словечки и бахвалиться тем, как на него вешались дамочки в Бергене и Хаугесунне. Еще в пабе сидела коренная вестхэмская семейная пара из Уолтэмстоу, Энди и Шейла. Они никогда не забывают напомнить, что мать Шейлы была хорошо знакома с семьей Кита Ричардса. В общем, весь паб был, само собой, полон “Молотков”.

Мы судачили о предстоящем матче, судачили о Кэрроле, что он мало забивает, судачили о Даунинге, о Сэме Эллардайсе.

– Еще придет мой приятель, – сказал я.

– Оу йе? – сказал Энди. – “Молоток”?

– Нее, – сказал я, – он врач, ни фига в футболе не смыслит.

– А, ну ладно, – сказал Брэндон, – после матча он приго-

дится этим долбаным “Шпорам”, как пить дать пригодится.

Половина двенадцатого. Без четверти двенадцать. Я послал Стейнару сообщение: – Ты где? Пора идти.

– Когда, говоришь, придет твой врач?

Уже двенадцать.

– Ну и че, Йорген, пора нам, а?

Я послал еще сообщение: – “Мы уходим. Жди меня у входа на стадион. Твой билет у меня”.

Простился с Бренданом, Энди и Шейлой – они не хотели ждать дольше: – Жмите, “Молотки”!

– Пока, Викинг. Приводи своего врача, когда найдешь его.

Ничего не поделаешь, пришлось мне отправиться вслед за ними. На стадионе меня тут же охватило то особое возбуждение, которое волнами накатывает на каждого истового футбольного болельщика: *sit down if you hate Tottenham, stand up if you hate Tottehnam: Jaaaaaaaaaaaa! Rødt kort til Kaboul! Jaaaaaaaaaaaa! Harry Kane scores an own goal! Stuart Downiiiiing! We fucking love you! 2–0! It’s happening agaaaaaaain: We love you West Ham, we do, oh West Ham we love you*⁵.

Я проверил мобильный в перерыв и дважды во время второго тайма.

От Стейнара сообщений не было.

На лебединую статью Вибекке сразу обращаешь внимание.

⁵ Сядь, если ненавидишь “Тоттенхэм”, встань, если ненавидишь “Тоттенхэм”: Яaaaaaaaaaaaa! Красная карточка Кабулу! Яaaaaaaaa! Харри Кейн бьет в свои ворота! Стюарт Дауниииииинг! Ты наш герой! 2–0! Вот опяааааать: наш любимый “Вест Хэм”, да да да, оу “Вест Хэм”, мы любим тебя (*норв. и англ.*).

Вибеке возвышается над землей на метр семьдесят, то есть она сравнительно высокая для норвежки, к тому же ритм движений ее рук, ног, всего тела придает ей непередаваемую элегантность, деликатность, притягательность. Забываешь, что у Вибеке тяжеловатые бедра, сама-то она считает их своим главным телесным недостатком наряду с чуть оттопыренными ушами; уши она прячет под своими чудесными волосами, которыми все восхищаются, что неудивительно: волосы у нее сильные, непослушные, своевольные. Я-то крутизне ее бедер только рад, обожаю оказаться между ними, обожаю любоваться ими, такими мясистыми и соблазнительными. И еще обожаю ее щедрые губы, глаза, которые умеют и утешить, и приказать, обожаю обе ее груди, так ловко умещающиеся в моих ладонях, обожаю пухлую попу, обожаю крестец, которым заканчивается спина, боготворю ее затылок, щиколотки, лодыжки, запястья, а еще звук голоса Вибеке – я на него реагирую, как трава на солнечные лучи.

Когда Вибеке нет рядом, я в воздухе перед собой мысленно рисую контуры ее тела и счастливо улыбаюсь – наверное, тому, что такая женщина – моя. Так я делал и в тот лондонский день, когда Стейнар не явился на Болейн Граунд.

Мне кажется важным сказать это, и я это повторю, и даже с придыханием: моя Вибеке невероятно хорошая, невероятно проникательная и невероятно великолепная, и я знаю, что мне крупно повезло, мало кто из близких думал, что я сумею завоевать такую женщину, я это ценю все девятнадцать лет,

что мы с ней вместе; правда, я добрый, и много лет, боясь потерять ее, думаю, что, может быть, для такой Вибекы идеально подхожу как раз я – ничем не выдающийся и чуточку несобранный, не затмевающий ее блеска и неизменно поддерживающий ее, когда она время от времени устраивает у нас в поселке какую-нибудь заваруху, что многим не по нраву.

Покидая Болейн Граунд после убедительной победы “Вест Хэма” на своем поле над “Тоттенхэмом”, я пребывал в эйфории, как и все местные болельщики. Одно дело выигрыш, *это всегда одинаково здорово*, но совсем другое дело выигрыш в футбольном дерби. В Лондоне насчитывается шестнадцать сильных футбольных команд, шесть из них можно назвать широко известными. Стейнар даже этого не знал, это выяснилось в пабе в пятницу вечером. На первом месте “Арсенал”, объяснил я ему, потом снобская команда “Челси” и наши закадычные противники – “Тоттенхэм”, эти три самые популярные. А потом уже идем мы, “Кристал Пэлас” и “Фулхэм”.

Для трудового люда самые главные команды в этом букете – “Вест Хэм” и “Тоттенхэм”. Рабочее происхождение обеих команд придает особую остроту разборкам между ними; вероятно, это можно сравнить с соперничеством между братьями. Лично мне такого испытать не довелось – в нашей семье склок не бывает. У меня отличные отношения с обоими братьями, Раймондом и Мадсом, хотя мне страх как

хочется хорошенько встряхнуть младшего брата Раймонда: он ужасно талантливый, самый способный из нас троих, но при этом безвылазно торчит в Трондхейме, покуривает травку и ничего больше не делает. Ему на роду было написано стать профессором, вот как пить дать, это все знают, так щедро он одарен от природы. С Мадсом же повздорить абсолютно невозможно, он до того мягкий и пушистый, что, кажется, дунь – и улетит на другой конец села вместе со своими тремя детишками, необхватной женушкой и их домом. Зато на работе мне постоянно приходится сталкиваться с ненавистью. Чуть не каждый подопечный рос в семье, где люди жрут и терзают друг друга, как голодные волки. Нигде больше так явно не проявляется ужас междоусобиц.

Финн, Финн, Финн.

Из-за того, что местные дерби вызывают у всех болельщиков экстремальные эмоции, победа в них невероятно сладка. 3 мая 2014 года не составило исключения. “Шпоры” выбежали на наше поле, и их герой, Харри Кейн, забил гол в свои ворота, после чего Дауни довел счет до 2–0. Вот радости-то было!

Где же Стейнар?

Толпа торжествующих, горланящих песни болельщиков “Вест Хэма” вырвалась на лондонские улицы, и я среди них. Время перевалило уже за три пополудни, чувствовал я себя отлично. Солнце поднялось высоко на светлый майский небосклон, но ветер был резковат, я застегнул молнию на

горле доверху и замотал шею шарфом “Молотков”.

Распрощался с парой норвежцев, с которыми разговаривал на игре – они оба болели за “Тоттенхэм”, оба были из Драммена и торопились на поздний самолет:

Ничего, “Шпоры”, в другой раз повезет!

Они показали мне средний палец и припустили бегом прочь от Болейн Граунд.

А я достал мобильный.

Восстановил в памяти наш разговор. Нет, вряд ли можно было списать все на недоразумение. Реплики, которыми мы со Стейнармом обменялись утром, трудно было истолковать неоднозначно. Он сказал, что *пойдет прогуляется перед матчем*. Я это хорошо помнил. Когда я предложил встретиться в “Таверне” в половине двенадцатого, ответил он совершенно недвусмысленно. – “Идеально, – сказал он и добавил: – «Таверна Болейн», Баркинг-Роуд”.

То есть повторил название с адресом и занес их в свой айфон.

А может?.. Меня вдруг осенило.

Он *достал телефон*, помнилось мне, и занес в него название паба и улицы. Но я же не *видел*, что он пишет, верно? Я досадливо взмахнул рукой; должно быть, выглядел я дурак дураком, когда, стоя возле домашнего стадиона “Вест Хэма”, сам с собой негромко беседовал да еще и жестикулировал.

Нет.

Не *видел*.

А просто подумал так. Подумал, что он себе записывает, чтобы не забыть, название паба. И название улицы. Но он же что угодно мог писать.

Телефон разрядился? Стейнар его попросту потерял? Или со Стейнаром что-то случилось? Лондон город большой, беспокойный, не пора ли начинать его искать, не нужно ли предупредить кого-нибудь дома в Норвегии?

Я снова послал ему сообщение, шестое или седьмое с тех пор, как пытался вызвонить его перед матчем:

“Привет, Стейнар, игра закончена, мы победили 2–0! Я иду в паб. А ты где? «Таверна Болейн», Баркинг-Роуд”.

Несколько минут я стоял, поглядывая на экран. Мимо бежал вприпрыжку юный “Молоток”, настолько счастливый, что даже запустил лапы в мою шевелюру, побарабанил мне по черепушке и завопил “Ететь, выиграли! Прикинь?!” Я засмеялся: *Бывало и раньше, приятель*, имея в виду, что пару лет назад мы уже обыграли “Тоттенхэм” 2–0.

Юный “Молоток” помчался дальше и скрылся среди наступающих сумерек в людской массе. Высматривая Стейнара и не находя его, я начал сознавать, что он во что-то влип, то ли по своей воле, то ли против нее.

После матчей мы в Лондоне всегда идем в “Таверну” – праздновать победу или, если продули, топить горе в пиве. Я беру бургер с картошкой фри и поднимаюсь на второй этаж поболтать за кружкой-другой с Энди, Шейлой, Бренданом и другими.

3 мая 2014 года “Таверна” гудела и ходила ходуном, особенно на первом этаже, где самые хулиганистые из болельщиков набирались пивом и надрывали глотку фанатскими песнями. Мы же упоенно вспоминали подробности игры, рассуждая о футболе так, как это водится у болельщиков, – будто от нас, пьющих пиво, шумных и хвастливых, зависит исход матча. И мы ведь действительно так думаем. Мы в это верим: наше ликование, наша поддержка – вот она, объединяющая сила.

– Ну что твой врач, а? – спросила Шейла в разгар вечера. Она всегда надирается после матча. Разговорить Шейлу до игры невозможно – сидит себе застенчивой пичужкой, разве что улыбнется осторожно, но на стадионе она заводится так, что в конце концов непременно оказывается в баре и бузит там: вихляет бедрами и вешается какому-нибудь мужику на шею, чем приводит Энди в отчаяние или в бешенство. Как-то она и мне на шею повесилась, нашептывая в ухо всякое такое разное.

– Вообще-то, Шейла, – ответил я, – от врача ни весточки с самого утра, и это несколько напрягает.

Потрепав меня ладонью по ляжке, она сказала: *Да пошел бы он!* – Выбросила вверх руку с кружкой и завопила: *Востоочный Лондон!*

Взгляд Энди я почувствовал на себе с другого конца зала, где он обсуждал перипетии матча с Бренданом и другими приятелями, поэтому я схватил куртку и, отодвинувшись

от Шейлы, сказал, что хочу выйти и еще разок попробовать дозвониться до врача.

Весна еще не перевалила на лето, и после захода солнца стало довольно прохладно. На улицах Лондона царило оживление: в стане “Вест Хэма” праздновали победу, перед магазинами и пабами бурлили толпы весело перекликающихся, радостно возбужденных болельщиков. Атмосферу выходных в Британии определяет календарь игр. Должно быть, сущее мучение жить в Англии, если ты терпеть не можешь футбола, у Вибекке крыша бы съехала: гам, толкотня, монотонный хор бесконечных футбольных кричалок, гульба.

Меня такая обстановка раскрепощает. Дóма, где с высоких вершин, минуя горные выработки, к нашему миниатюрному центру села, разделяя его надвое, стекает река, за пунктом приемки рыбы исчезающая во фьорде, ничего похожего не бывает; дóма жизнь спокойнее, природа ближе. Пожалуй, я бы не смог обосноваться в таком шумном и суматошном месте; не потому, что мне не нравятся шум и суматоха – наоборот, меня многое привлекает в городской круговерти, – но потому, что неспешный ритм жизни села у меня в крови.

Мои глаза двигались в такт движениям уличной толпы. Рукой я сжимал в кармане куртки мобильный телефон. Уже не было смысла слать смски или звонить, это я понимал. Посмотрел, который час, – я все еще ношу наручные часы, должны же у человека оставаться какие-то вечные ценности, во всяком случае, пока длится моя собственная жизнь.

Часы показывали двадцать пятьдесят.

– Эй!

Пронзительный голос прорезал лондонский воздух. Я обернулся. Со стороны паба ко мне быстро шагал Энди. Лицо разругалось, между бровей залегла глубокая морщина – так и жди, что врежет.

– Привет, Энди, – неуверенно промямлил я, – извини, друг, это все из-за того врача, мне надо...

Он протянул мне мой шарф в цветах “Вест Хэма”:

– Да мне по фигу, дурик ты бледный. И слышь, дружище, ты на Шейлу не обижайся, она всегда распаляется от победы. – Тут он довольно ухмыльнулся: – Догадайся, кому это в кайф!

Я засмеялся, представив себе его ненасытную жену. Энди шлепнул меня по спине:

– Ну, до новых встреч, викинг. Счастливо тебе. Крутой матч, а?

Я кивнул: – Ага.

– 2–0, фига се?

– Йеееее.

– Ну давай, “Молоток”. Спорим, твой врач где-нить в Челси накачался до потери памяти.

Я пожал Энди руку и ушел. Зашагал быстрее, когда сообразил, что от Стейнара уж скоро одиннадцать часов ни слуху ни духу и что надо было давным-давно сделать что-нибудь, *позвонить кому или еще что.*

Лето 1984 года

Мне исполнилось двенадцать лет, и я получил от отца с матерью новый велосипед. Как раз такой, о каком мечтал, “Апаче”. Красный, с удлиненным сиденьем из черной кожи. Самый классный велосипед на свете.

Думаю, события того дня оказались определяющими для меня как личности, если прибегнуть к принятым в моей работе формулировкам. Возьмем, к примеру, Финна – в те знаменательные выходные в Лондоне я постоянно ловил себя на том, что скучаю по нему, – нетрудно уяснить, что в его жизни явилось определяющим. Если совсем схематично, это были систематические, изощренно жестокие издевательства, которым его с малолетства подвергали родители, – и мать, и отец.

Матери нравилось крепко привязать малыша Финна к кровати и наблюдать, как отец насилует его по-всякому; а то еще наденет на ребенка ошейник и таскает за собой по дому, пока они как бы случайно не “найдут” его хозяина – отца. К нам нечасто попадают ребята, над которыми столь активно издевалась бы мать, хотя и такое случается. Когда Финну было 4 года, у него появилась сестренка, а когда ему исполнилось 13, родители заставляли Финна насиловать ее, а сами снимали все на видео. Эти записи, а было их немало, они потом распространяли среди своих единомышленников, а взамен получали подобные видео от других участников кружка. Матери Финна уже нет в живых, три года на-

зад она покончила с собой в тюрьме. Отец жив, насколько мне известно; отбывает где-то длительный срок, и мне часто приходит в голову мысль, что таким, как он, в жизни не место.

Сестра Финна, Ингрид, рано пристрастилась к самоповреждению: вырывала себе зубы клещами, делала всякие вообще неопишуемые вещи, а два с половиной года тому назад совершила самосожжение перед родительским домом.

Такие детство и отрочество и определили личность Финна. Это очевидно. В любом телодвижении ему чудится подвох, не существует такого выражения лица, слова или жеста, который не напоминал бы о перенесенных им мучениях. Я все время настороже и помню, что любое мое высказывание, любой мой поступок могут возратить его *туда*. Прикосновение, объятие – во всем таилось *это*. Что ему исполнился 21 год, что он все еще жив, уже было победой во многих отношениях. Что он вырос таким хорошим человеком, что настолько приспособился к жизни – это тоже победа гуманности, к которой мы всегда стремимся, но которой нечасто достигаем.

Мне повезло. Со мной ничего подобного не случилось. Я один из тех, кто ходит по земле легким шагом, спокойным шагом, кто может похвастаться счастливым и беззаботным детством. Кроме тех вспышек, когда отец раз в четыре года срывался с катушек и начинал бушевать, мне и припомнить нечего; но и в буйстве отец никого из нас даже пальцем

не тронул, эти его редкие приступы гнева не выливались ни во что более серьезное, чем слова матери:

– Давайте-ка выйдем, подождем, пока ваш отец опомнится.

Так мы и поступали.

Но и мою личность определило пережитое, какими бы мелкими и ничтожными ни выглядели эти происшествия на фоне уродливой жизни Финна.

1984 год, лето. Сияло солнце, и, помнится мне, я подумал: небо будто стеклянное. Мы с моим лучшим другом поехали купаться на фьорд; в смысле, я катил на своем новом “Апаче”, а у друга был ярко-синий велик DBS. На багажниках мы оба везли всякое для купания. Шлемов в восьмидесятые годы никто, разумеется, не носил. И вот на крутом склоне на задах заброшенных хуторов, где буйно растет дикая малина, мой друг свалился с велосипеда. Вероятно, колесо попало в ямку или задело корешок. Я ехал позади и видел, как колесо вывернулось на 180 градусов, велосипед резко затормозил и сбросил седока. Он сильно расшибся.

Не знаю, почему, но я запаниковал. И не остановился, а миновал его и поехал дальше. Спустился к фьорду, искупался, поплавал. И рассказал о происшествии, только когда день уже клонился к вечеру.

Не такое уж значительное событие.

Но я многие годы ощущал, что именно оно определило мое созревание как личности.

Когда я вошел в номер, Стейнар сидел на кровати. На нем была не белая футболка, которую он надел утром, а синяя. И брюки тоже другие. Волосы растрепанные, и кожа вся, как бы это сказать, *пятнистая, что ли*.

Он развел руками.

Я застыл на пороге вопросительным знаком.

– Вот сейчас я бы выпил пива, – сказал он, упирая на “сейчас”. Точно так же произносит эту фразу отец, возвращаясь со своими собаками из многодневного похода по горам или лесам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.